

НИКОЛАЙ КОЛЯДА

ПЕРСИДСКАЯ СИРЕНЬ

Пьеса в одном действии.

Действующие лица:

ОНА

- обоим за пятьдесят

ОН

Почтовое отделение. Наши дни.

Почтовое отделение. Моё. Номер двадцать шесть. Маленькая комнатка. В одной из стен дверь на замке, а рядом - окно выдачи почты, которое тоже на замке и табличка: "Перерыв с один до два." На двери другое объявление: "Если кто-то не заплатит за а/я у того а/я будет отрезан, выварен сварочным агрегатом!!! А больше просить платить за а/я не будем!! Отдел доставки в а/я!!!" Ниже на двери кто-то слово матерное написал углём или губной помадой, а рядом рожу с языком не нарисовали - выцарапали гвоздиком, теперь будет - пока не закрасят. Между дверью и окном доставки стоит стол двухтумбовый, старый, на котором два цветка в горшках - герань и алоэ. В горшки сигареты тушили, торчат окурки - много. Ну, Расея, одним словом, у нас это дело-то происходит, не где-то там. Ещё на столе чернильница, рядом - ручка, толстой веревкой привязанная. Ручка с пером, стародавняя. Под столом урна с бумагами. Над столом застеклённые образцы продающихся конвертов, открыток, художественных бланков для телеграмм, и у всего свой номер странный: "РД-78", "Ж-52", "ИК-94", "ЫМ-24".

Остальные три стены комнаты в ящиках, из которых торчат газеты и журналы. Металлические ящики от потолка и до пола - одни прорези, бойницы.

У стола сидит ОНА. Старательно макает в чернильницу ручку, что-то пишет на обрывке бумажки. У неё чулки штопанные, на голове шляпка с вуалью, возле ног - старая сумка с ручками, перевязанными синей изолентой.

Входная дверь в почтовое отделение отворилась, с улицы влетело несколько грязных жёлтых листьев и вошёл ОН. На нём куртка, сшитая из старых джинсов.

Он, мельком глянув на неё, пошёл к ящикам, оставляя грязные следы на кафельном полу. Побренчал ключами, начал открывать ящик. Не выходит. Заело. Он - хмыкнул.

ОНА. *(Отложила ручку, стукнула ладошкой по столу.)* Ну вот. Именно сегодня. А сегодня - день магнитный.

ОН. А?

ОНА. Два дня я, как дура, сидела - ничего не было, а именно сегодня, когда не надо, - пожалуйста. А сегодня день магнитный, понимаете, бури, понимаете.

ОН. *(Посмотрел на неё внимательнее, снова хмыкнул, пробует открыть ящик.)* Да, да.

ОНА. Состоянье - страшное. Просто, я вам скажу, страшное. Голова - трескает. Такие дни! Магнитный день. Бури, бури, бури!!!

МОЛЧАНИЕ.

Он пробует открыть ящик.

И именно в такие дни мне нагрузки. Мне нельзя катастрофически. Категорически. Абсолютно. А я вот так вот колючусь именно в такие дни. Бури! Магнитный день! Такие нагрузки!

ОН. *(Бормочет.)* Такие нагрузки. А всё без закуски.

ОНА. Бури, бури, бури!

ОН. Заело, надо же. Замочек - дрыг-дрыг.

ОНА. Заела. Заела! Такая жизнь заела. Чёрный ворон переехал мою жизнь. Магнитный день переехал мою жизнь. Ужас! Именно в такой сильномагнитный день я намагничиваюсь. Категорически. Катастрофически.

ОН. Да, да.

ОНА. Да, да. Да! Да! Нет, нет! Не дёргать его!

ОН. Кого?

ОНА. Не кого, а что. Неграмотный ни разу. Ящик! Не дёргать! Причём приходит именно когда перерыв - с один до два.

ОН. С один до два.

ОНА. Бессовестный. Два дня его тут и быть бывало, я как дура сидела, а сегодня - правильно, хорошо, так, специально - в магнитный день.

Пауза.

Я специально кина американские не смотрю по ящику, специально, потому что я увлекающаяся натура, потому что они стреляют и убивают, а я не могу: я участвую сразу, я умираю вместе со всеми, под каждым выстрелом, а после того, как увидела, как женщину связали, руки, в вагончике и насиливали - мне всю ночь снилось, что это - я, я, я в вагончике, там, в телевизоре, но он меня вовлёл в преступление как в телевизоре, я участвую теперь и у меня сердце теперь, как овечий хвост. Нет, я что-то другое должна была говорить, к чему это я? *(Пауза. Кричит.)* Шармач! Шармачуга!!!!

Пауза.

ОН. Здравсьте.

ОНА. *(Помолчала.)* Я знала, что именно сегодня это случится, в бурю. Я чувствовала. Не вчера, не завтра, а тютелька-в-тютельку сегодня. В магнитный день. В неблагоприятный. В неблагоприятный. В бурю, в бурю, в бурю!!!

ОН. *(Помолчал.)* Буря, пусть сильнее грянет буря. В какую ещё бурю?

ОНА. Молчать! Поздно! Акелла промахнулся! “Чека” не дремлет! Тихо! Тихо, говорю. *(Трёт лоб.)* Господи, я же сценарий писала и я первые слова записала там, что я должна ему сказать, но я его дома забыла, потому что магнитный день. Забыла.

Он снова повернулся к ящику, дёргает замок.

Не дёргать, сказала! Всё равно не откроется! Не сбивайте меня! Упадёт вся стенка со всеми ящиками и меня придавит тоже! Оно же всё на соплях приварено! Не дёргать!

МОЛЧАНИЕ.

Он подошёл к женщине, улыбнулся, застегнул ей верхнюю пуговку на плаще. Молчит.

Ни с места! Руки по швам! Сигарету изо рта! Суд идёт! *(Пауза.)* Нет, я должна была не эти, не эти слова сказать, я забыла, а?

Пауза .

ОН. *(Тихо, ей в глаза.)* Бабушка ... Бабуля. Бабец. Шёл бы ты домой, бабец. А? Отчепись от меня, а? Ну, сбрендил на старости лет - так иди к другим, цепляйся. А от меня отчепись. Отчепись, дурко. Захлопни пасть и топай. Заделье себе ищешь? Ну, ищи там, на улке. Ебанашка. Топай давай. Топай, топай, кверху попой.

Пауза .

Поняла, нет?

Снова повернулся к ящику, ковыряет замок ключом, бормочет:

Недоделанных расплодилось - плюнуть некуда, честным людям по улице пройти нельзя ... Надоели. Как двинул бы, чтобы бежала впереди своего визга, а жалко. Потому что дурко, щёлкнувшая, что взять ...

ОНА. *(Кричит.)* Акелла промахнулся!

ОН. *(Беззлобно.)* Да заткнись ты. Пошла вон отсюда, сказал, ну?

ОНА. *(Бормочет.)* Ну вот, я же знала, что он так скажет, а я должна была что-то ответить, я же помнила, но - магнитный день и у меня выскочило, вышморгнуло... Одни слюни остались, нету слов, ну, как же это там было, как же это ... *(Визжит.)* Не трогать ящик, я в замок всунула гвоздик и обломала там кончик шпильки- “невидимки”!!!!

ОН. *(Помолчал.)* Кто всунула?

ОНА. Я всунула.

ОН. Зачем ты туда его всунула, дурко?

ОНА. Я его всунула, чтобы ты - не высунул!!!

ОН. Кого не высунул?

ОНА. Его не высунул! Того, что там - не высунул чтоб ты! Ты! Там! Ты!

Пауза. Он посмотрел в замок. Молчит. Повернулся, пошёл к женщине.

ОН. *(Улыбается.)* Хохма, а? Лажа, а? *(Молчит. Тихо.)* Мамаша, бабушка, бабуля. Буля, а? Иди. Домой. Сказал. А?! Ну иди, а?! Прошу тебя по-хорошему, а? Шла бы ты домой, Пенелопа, а? Пойди, проспись, отоспись, может - придёт ум-то твой, а то с дуру-то можно, знаешь, каких дел понаделать-то, а? Знаешь? С дуру-то можно и болт сломать, понимаешь?

ОНА. Какой болт?!

ОН. Ну, такой, натуральный болт, говорят так, а ты забыла, запомновала, да? Иди отсюда. Тут почта, понимаешь? Перерыв сейчас, а дверь входную не закрыли, чтоб люди могли зайти, почту свою взять. Тут абонентский отдел, ящики с письмами. Чтоб сохраннее они были, чтоб мальчишки в подъезде не украли, не сожгли, тут их поэтому хранят, а ты с дуру-то наделаешь делов, начнёшь ещё в ящики спички сунуть и спалишь людям почту. Иди. Перерыв. Открыток поздравительных с Днём Ангела внуков не продают. И с Рождеством Христовым - не продают, тоже. И с Первым маем нету, и с Седьмым Ноября нету, и с Восьмым Мартом, шла бы ты домой, бабка, ну?!

Пауза .

ОНА. Мало того, что такое. У него изо рта пахнет вдобавок ко всему. Миазмами пахнет, нечистым духом.

ОН. Ну, хохма, ну, хохмачка ты. Сейчас начнёшь меня дьяволом называть, кричать: “Серой пахнет, хвост!” Копыта, да? Ну иди уже сказал, отцепись. Гвоздик в замок всунула мне. Иди. Выпускаю тебя на воздух, давай!

Прошёл к входной двери, открыл её. Ветер снова внёс с улицы несколько жёлтых листьев. Дождь на улице стучит в лужи.

ОНА. Выпускают коров и свиней.

ОН. А ты кто? Чего тебе надобно, старче?

ОНА. А ты кто?! А ты кто?! А ты кто?! Ты - этот?!!!

Выхватила из сумки газету, машет ею в воздухе, кричит:

“Симпатичный зрелый мужчина в годах уставший от одиночества бывший военный в отставке высокий и чинно обеспеченный хорошим жильём имеет все условия для совместного проживания с машиной квартирантом да с хорошим заработком с разных сторонние интересы ищет себе подругу жизни от сорока до сорока пяти без вредных привычек клучше от тридцати пяти от вечно напиться с фотографией фотографии обы зуюсь вернуть!!!!!!! Писать! На! Двадцать! Шестое! Почтовое! Отделение! А/Я! Два! Один! Два! Так?!

Пауза.

Кто это писал?! Ну?! *(Пауза.)* Отсюда даже видно. Ящик два-один-два, двести двенадцать, забит, ломится письмами! Куртка из старых джинсов на нём! На нём погоны золотые и яркий орден на груди! Военный в высоком чине! Три раза объявление повторял в “Вечёрке”! Откуда деньги взял?! Бутылки пустые на рынке собрал, да сдал, да дал?! Бухарик непромытый! Руки в цыпках! Выглядит буквой “зю”! Морда, как решето, опухшая! В полуперденчике из старых джинсов, эх! Ну, ничего, кончилось, я как Данко - я положу конец издевательствам над простыми советскими работницами!

МОЛЧАНИЕ.

Сразу тон сменил. Сразу стал иначе разговаривать, когда его - за руку, на месте. Дурко, дурко. Амбал какой. Донжуанина проклятая. Он думал - будет: цак-цак! Не выйдет!

ОН. Я молчу.

ОНА. Вот и правильно! Что сказать-то?! Без экспертизы видно! На месте застучала! Сразу неладное заподозрила и точно, точно! *(Пауза.)* Открывай ящик, бери письма и вперёд - через дорогу, в милицию. Он думал - цак-цак! А тут я. Ишь, выскочил тут из пианины на лыжах! Цак-цак думал! А я тут как тут! *(Пауза.)* Ну?!

ОН. Что - ну?

ОНА. Ящик?!

ОН. Как же я его открою. Вы же туда гвоздичек с “невидимкой” всунули.

ОНА. Молчать! На “вы” начал! Устроил мне тут кордебалет! Я засунула, чтобы поймать тебя, чтоб замешкался ты, чтоб я - хвать тебя! Чтоб на месте преступления чтоб! На “вы” начал!

ОН. Хочешь, снова могу на “ты”. Чё ты? Чё ты вытыкиваешься? Ты засунула, ты и высовывай, я - не умею.

ОНА. Молчать! Открыть ящик! Он ломится! Он лопаётся! Он трескается от несчастных женских писем с фотками! Они пишут и пишут, не знают, какое безобразие тут творится! Они, легковёрные, обмануты, а мы его судить судом Линча будем, по-американски! *(Пауза, себе под нос.)* Нет, по сценарию было не так, ну, что же это я такое говорю ...

ОН. Ну, чё ты орёшь? Успокойся, не вопи, не на сцене. Без сценария давай. Тоже мне со своим сценарием. Что ты тут как Баба Яга из новогоднего сценария орёшь мне тут, а я тебе тут как дед Мороз, а?! Не ори. Я тебя не боюсь ни капли по сценарию.

Закурил, сел к столу.

ОНА. Открывай! Брось сигарету! Одну бросает, другую в рот заталкивает! Открывай!

ОН. Да не могу я.

ОНА. Ну, а кто должен?

ОН. Да не знаю я, кто должен. Кто сломал, тот пускай и должен.

ОНА. Ну, ты же ж мужчина всё ж таки.

ОН. Оно мне надо? Оно тебе надо. Открывай - раз так.

ОНА. Открывай!

ОН. Не зуди под ухом. Я не мужчина, я бухарик непромытый.

Пауза.

ОНА. Ладно. Я сама. Ничего. У меня ногти есть, я сама, я зубами даже, я как Данко, для всех!

ОН. Дамка.

ОНА. *(Дёргает замок.)* Ну, надо же, ну, именно в магнитный день, в бурю, у меня в голове всё дыбом, торчком, мне надо другие слова, я не соберусь никак, сценарий дома забыла ... *(Дёргает замок.)* Ну, что ж это такое?!

ОН. Что?

ОНА. Ты ж его ещё дальше своим поганым ключом засунул?! Ну?!

ОН. Высунь, засунулка.

ОНА. Как же я высуну, если - засунул?

ОН. Зубами. Локтями. Ногами. Коленками. Головой - бум, бум, бум!

Смеётся. Затушил в цветочный горшок сигарету, закурил новую. Она достала из сумочки плоскогубцы, пошебуршала - вытащила шпильку и гвоздик, открыла ящик. Несколько писем плюхнулось из ящика на пол. Она как обожглась будто, отскочила в сторону.

ОНА. Акелла промахнулся!

ОН. А?

ОНА. Бери! Готово! Готово!

ОН. Готова, готова, дочь попова. Чего бери?

ОНА. Всё это всё там - бери. И в милицию.

Он сидит, не двигается, курит.

ОН. Мне их что - в руках в вытянутых нести?

ОНА. А что, мне в сумочку всю эту гадость засунуть?

ОН. В руках неудобно - попадают.

ОНА. Подберём. Донесём до магазина сначала, купим пакет, кулёк такой, пусть народ полюбуется, посмотрим на тебя!

ОН. Кулёк? А у меня есть кулёк. Целлофановый. Вот. *(Достал из внутреннего кармана куртки аккуратно сложенный целлофановый пакет.)* Я же хотел после почты в овощной забежать, за морковкой. Можно сюда? Он чистый, я вымыл.

ОНА. Вымыл! Бывший военный - кульки моет! Я кульков - не мою!!!

ОН. Да? *(Усмехнулся.)* А я - мою.

ОНА. А я - выкидываю сразу.

ОН. Ну, и что? Что это значит?

ОНА. Ничего не значит. А просто: я кульков - не мою! *(Пауза.)* Ещё один штрих. К портрету преступника, многоженца, ловеласа, донжуанины. Пакеты моет. Богатей. Бери, складывай и топай в ментовку!

Мужчина поднялся, начал собирать письма, рассыпал их снова.

Специально?!

ОН. Не специально. Я не нанятый!

ОНА. Нанятый! Собирай быстро эти ящики! *(Пауза.)* Господи, какие ящики? Заплетык. День магнитный. Письма, письма!

ОН. Помогите, валится, не видите?

ОНА. Сам себе помогай, шармачуга! Я перед тобой на цирлах ходить не стану!

Мужчина вертит в руках одно из писем, улыбается.

Ну?!!!

ОН. Да хватит орать. Успеете ещё, отведёте, докажете, посадят, успокойтесь. Не слышите - пахнет.

ОНА. Кто пахнет?! Где пахнет?!

ОН. Письмо - пахнет.

Пауза.

ОНА. Он ещё и извращенец. У него глаза загорелись. Он на запахи возбуждается. В милицию!

ОН. Пахнет, понимаете? Пах-нет. Духи "Персидская сирень"...

ОНА. Нету таких. В милицию!

ОН. Нету, так были.

ОНА. Не было.

ОН. Были.

ОНА. Где были?

ОН. Тогда.

ОНА. Когда были?

ОН. В моей молодости.

Она молчит.

ОНА. *(Тихо.)* Послушайте, ну это что такое, а? Ну, не было, говорю. Ну, можно подумать, что я вас старше лет на семьдесят шесть. У нас с вами была не одна молодость, нет?

ОН. Со злыми тётями у меня не было одной молодости. У нас были разные. Мне кажется так. В моей молодости были, были, были духи “Персидская сирень”, а вот в вашей ...

ОНА. В вашей, в вашей! И в моей, и в вашей были: “Шипр”, “Красная Москва”, “Кремль” в таких упаковочках, как Кремль, здание, были “Гвоздика”, “Фиалка”, “Днипро” был, “Красный мак”, “Пиковая дама”, “Юбилей Советской Армии”, “Крымская фиалка” даже была, “Кавказская Ривьера” была, “Восьмое Марта”, а вот вашей “Персидской сирени” не было!

ОН. Ну, просто - “Сирень” или “Белая сирень” ...

ОНА. Ну, вот это - другое дело, так бы и говорили.

Пауза.

ОН. А вы откуда знаете про это? Ну, про эти? Вы этот - дегустатор?

ОНА. Дегустатор. Хватит уже меня за дурко принимать. *(Подойшла к нему, смотрит на письмо.)* Придумал - “Персидская сирень”. Дайте понюхать. *(Нюхает письмо, не беря его в руки.)* Ну, правильно, я ж говорю - “Кавказской Ривьерой”, а он мне тут ...

Пауза. Он собирает письма в пакет.

ОН. Ну прямо уж.

ОНА. Ну, криво уж. Будет спорить. *(Пауза.)* Будете спорить. Собирайте.

Пауза.

ОН. *(Вертит письмо в руках.)* Не высохли. Стояли так столько лет на трюмо в коридоре. В уголки трюмо открытки старые всунуты, открытки от знакомых и родственников к красным датам. Хрущёвочка. Двухкомнатная. “Вагончик”. Шлакоблочный. Телефон спаренный. Первый этаж. Окна на дорогу. Трамвай стучит, стучит под окном. На окошке - кошка. Задержашки болгарским крестиком вышиты. Или выбиты. На стенке плюшевый коврик с оленями. Обои жёлтенькие с красными розочками, выцвели, поотклеивались. На потолке пятно жёлтое, соседи промочили. Воды горячей две недели нету. Холодная только ночью, надо встать, в банки набрать, в ванную. А если засор в унитазе, то на первом этаже - труба дело. На стенке в коричневой рамке фотография: она молодая, и он молодой; ретушёр дорисовал причёску красивую и платье, как у Целиковской в “Небесном тихоходе”; в тумбочке пластинка Майи Кристалинской и две пожелтевших газетки - одна с фотом, другая - без, а в газетках в этих статьи крохотнущечные про передовика производства штукатурка-маляра Машу Иванову с улицы Строителей два квартира пять. *(Пауза.)* Извините.

Снова собирает письма, складывает их в пакет.

ОНА. А?

ОН. Я обычно только эти выбираю письма, которые - такие, я их сразу чувствую. А остальные - видно ведь: девки молодые, лошади, которые работать не хотят, а хотят старого богатого дурака набитого найти, чтоб в узду его взять, а самой на диване валяться, да с дискотеки не вылезать, дуры.

Пауза.

ОНА. Ну, открывайте уже его.

ОН. Кого?

ОНА. Да письмо! Распечатывайте?

ОН. Зачем?

ОНА. Может, оно как раз от такой дуры с дивана и дискотеки и есть? Откуда вы знаете? Открывайте, ну?

ОН. *(Помолчал.)* Знаю. По запаху чувствую. Как собака. Ведь у вас тоже бывает так: вдруг запах, движение какое-то в воздухе, когда вы, скажем, по улице идёте и вы вдруг - наповал - сразу наваливается.

ОНА. Кто?

ОН. Господи, да воспоминание, конечно же! Ну, из двери, из форточки, от одежды, духи, от прохожих запах, от цветов, от конфет - чего угодно запах, и вдруг - вылетаешь из этой жизни, в отключке вдруг и что-то наваливается. Да, да. Уволакивает обволакивая волочёт воспоминание. Да, да. Бывает. Идёмте. Отдаю себя в руки правосудия. Пошли.

МОЛЧАНИЕ.

ОНА. Значит - правда: минимум полковник?

ОН. Генерал-майор. Почему это? Идёмте.

ОНА. Так красиво выражаетесь. Говорите, в смысле.

ОН. Могу выражаться иначе. Как привык всю жизнь. Матом. Семизэтажным. Надо?

ОНА. *(Молчит.)* Кто вы тогда?

ОН. Кто вы, доктор Зорге?

ОНА. Кто?

ОН. А? *(Молчит.)* Человек.

ОНА. А до пенсии кто вы были тогда?

ОН. А видно, что - на пенсии я?

ОНА. Кто?

ОН. Шофёр.

ОНА. Такси?

ОН. Молокозавод.

ОНА. Сюда, на стол.

ОН. Персидская сирень ...

ОНА. На стол.

ОН. Что?

ОНА. На стол вываливайте письма, ну?

ОН. А что ж я их в кулёк-то складывал?

ОНА. В кулёк-то. В кулёк-то. Я не могу на пол нагнуться. У меня артрит.

ОН. А вам-то зачем?

ОНА. Что?

ОН. Нагибаться?

ОНА. Затем, что мне надо. Надо одно письмо там надо уничтожить, вынуть. Оно туда случайно засунулось. Попало.

ОН. Какое?

ОНА. Одно.

ОН. Чьё?

ОНА. Ничьё. Одно письмецо в конверте.

ОН. Письмецо в конверте подожди, не рви.

ОНА. Порву.

ОН. Ваше.

ОНА. Хоть бы и так. Да, моё. Моё! Ключула! Тоже! Дурочка с переулочка!

ОН. Я найду и прочитаю.

ОНА. Что?

ОН. Исповедь. Исповедь?

ОНА. Шиш. Моё письмо в деле фигурировать не будет! Генерал, полковник, космонавт, спортсмен упакованный, шоферюга - на стол! Бессовестный, наглый, противный такой.

ОН. *(Помолчал.)* А может, это ваше пахнет “Персидской сиренью”?

ОНА. На стол! Гнилым огурцом моё пахнет! Стиральным порошком “Лотос”! Трамвайным абонементом! Скипидаром! Мазью Вишневского! На стол!

Он подошёл к столу, вывалил письма, они поехали, кучей застыли.

Стоят, смотрят на них - и он, и она.

Вдруг быстро, запалошно - кто быстрее - начинают в письмах рыться.

Где вот оно теперь? Где вот я теперь его? Где его теперь я? Там зайчик, зайчик был на конверте, зайчик ...

ОН. Так вы пришли посмотреть на того, кто забирает письма? И хотели тихонько уйти, но поняли, что я - не я, а совсем ...

ОНА. Где зайчик?!

ОН. Какой зайчик?!

ОНА. Там на конверте был зайчик нарисованный с ёлочной веточкой и шариком и надпись: “С Новым Годом!” ...

ОН. Середина сентября, осень ...

ОНА. Старый конверт был, что ж мне его - выкинуть, конверты вон - застрелись, как дорого!

ОН. Жениху писали...

ОНА. Ну?

ОН. Могли бы и потратиться ...

ОНА. Вас много, а я с одной пенсией, где мой зайчик?! Старый лгунишка на старости лет обманывать начал, но я, как Данко, тут как тут, столько женщин вон, Господи, отсюда и не видно было, какой ящик глубокий, тут штук триста, пятьсот женщин, Клондайк, и он всех обманывал, развратник, нахал, бессовестный, хамюга, шармачуга наглая!

ОН. Вот он - зайчик.

ОНА. Это не зайчик, а заяц! За-е-ец!! Видно же! Там был крохотненький, беленький, кроличек почти! Старый, седой, непромытый бухарик ...

ОН. Кто - заяц?

ОНА. Да вы, вы, а ещё пенсионер, ай-яй-яй, такие афёры, стыдно!

ОН. Ну, хоть на пенсии я имею право на любовь или нет?

ОНА. На любовь! На любовь! Бофь-фь-фь-фь-фь! Покажу я вам сегодня ваше право, покажу!

ОН. А вы-то что искали, когда писали мне? “Я к вам пишу, чего же боле, что я могу ещё сказать?!” Чего? Не этого же?! Или на диване тоже хотели? С дискотеки, да на диван? Так? Нет?

ОНА. У меня артрит, артрит, с какой дискотеки?! Я ни сесть, ни встать, ни ходить, ни прыгать, только лежмя!

ОН. Ну, лежмя - в потолок поплёвывать, так?

ОНА. Да я за другим, глубокоуважаемый, как вы не понимаете?!

ОН. Я и говорю - за лю-бовь-ю.

МОЛЧАНИЕ. Она смотрит ему в глаза.

ОНА. *(Тихо и просто.)* Слушайте, замолчите, а? У вас только это на уме, да? По себе людей не судят. Про какую любовь вы тут? Вы вокруг посмотрите. Это же коню ясно уже, слепому видно, глухому слышно, что всё идёт к концу света и все скоро однополовым путём расплодятся будут. Ну? Какая любовь? Что ж вы раньше молчали, что ж вы на пенсии про любовь заговорили, после войны надо было, когда вы не то, что сейчас были, а другое.

ОН. Позднее зажигание сработало.

ОНА. Вот именно - позднее. Крутил бы раньше баранку всю жизнь и орал бы сколько хочешь: “Любовь, любовь, любовь!” Едете от молокозавода со своим кефиром в магазин и орите, орите, орите! А теперь - лавочка закрыта, закон природы. Да где оно, там надпись: “С Первым Маем!” ...

Роемся в письмах.

ОН. “С Новым Годом!” ...

ОНА. А я что сказала?

ОН. “С Первым Маем” вы сказали ...

ОНА. Вот видите, да? Видите? Магнитный день. Ое-ёй. У меня заплетьк за заплетьком в бури. Это я с ума схожу, да? Ну, скажите - да? Это у меня маразм, да? Кроме артрита - маразм. Я ведь, знаете, постоянно заговариваюсь. Такое скажу, что на голову не наденешь. Это мне в больницу надо, да?

Пауза. Смотрят друг другу в глаза.

ОН. Не знаю.

ОНА. Как - не знаю. Вы же сами сразу чётко определили - дурко. Вы же ж не просто так сказали.

ОН. Извините.

ОНА. Да что мне ваши извинения. С Новым Годом, с Новым Годом, с Новым Годом ... *(Перебирает письма.)*

ОН. *(Вертит в руках одно из писем, улыбается.)* Вот ещё одно - тоже моё. На конверте стоит: “Лети с приветом, вернись с ответом!” Пахнет попугайчиком.

ОНА. Да каким ещё попугайчиком?!

ОН. Волнистым, жёлтеньким. В клеточке сидит. Она завтракает утром, а он по жёрдочке прыгает, в колокольчик звонит-дёргает, и она с ним о жизни разговаривает, и письмо мне пишет, вслух ему читая ...

ОНА. *(Роемся в письмах.)* С Новым Годом, с Новым Годом, с Новым Годом ...

ОН. А на этом стоит: “Шире шаг, почтальон!”

ОНА. С Новым Годом, с Новым Годом, с Новым Годом ...

ОН. А вы что сверху на конверте написали?

ОНА. “С Новым Годом!” написала! Фабрика Гознака написала “С Новым Годом!”, а я от себя лично добавила: “Любви все возрасты покорны, её порывы благотворны! И тлетворны!” А ниже размашисто залудила от души: “Желаю вам кавказского долголетия, сибирского здоровья, индийской любви, русской ширины и долгих лет жизни!!!” Ну, вот где оно, а?! Где?! Сейчас перерыв закончится, придут, увидят, и именно такое в магнитный день, в бурю в такую дику ...

ОН. Мне-то больше надо бояться, чем вам.

ОНА. Да, да, бойтесь, развратник, бесстыдник, шармач ... *(Пауза. Оставила письма, повернулась, смотрит ему в глаза.)* Вы извините меня, пожалуйста, ладно? Извините, ради Бога. Не обращайтесь внимания. У меня, правда, котелок сегодня не фурычит, не варит, магнитный день. Понимаете? Я такая чувствительная к магнитным дням. Вы и правда подумаете, что я хамло и дурко и только ругаться умею. Это я потому, что у меня какие-то слова из сценария, который я писала для вас, то есть, для встречи с вами. Вдруг выскакивают, а они никак не соединяются с тем, что вот тут вокруг сегодня происходит. Вы понимаете? Я хотела, как Данко. Это из школы, старуха Изергиль про него рассказывала, который грудь порвал и сердце достал, ну, для людей он так старался, вы понимаете? Мой любимый с детства герой, и я хотела как он чтобы. Я писала для того человека, который будет вытаскивать письма из ящика. Не понимаете? Ну, у меня было два варианта: один положительный, другой отрицательный. Вернее, в положительном было только одно слово: “Здрасьте” сказать и уйти тихо. А в отрицательном - вот все те слова, которые я говорю. Я их говорю, как машина, понимаете? Как артистка, понимаете? Как не свои слова, понимаете? Они не от сердца идут, а просто выскакивают и всё. Я ведь не думала, что он будет такой как вы. То есть, слова относятся к тому человеку из сценария, а не к вам. Вы хоть поняли, что я сказала?

ОН. Ну да, в общем-то.

ОНА. Ну, вот видите. Ой, горе. Мне к врачу надо, ага? У меня заговаривание, я уже непонятно что говорю. Ну, вот где этот зайчик. А? Или белочка там была? Мне точно надо в больницу.

ОН. Так я вам понравился.

Пауза.

ОНА. Что значит - понравился?! А?! Ищите зайчика! Преступник! Чьи это письма?!

ОН. Не знаю.

ОНА. Как, то есть? Кому они адресованы?!

ОН. Не мне - точно.

ОНА. Как это - не мне?! В смысле, - не вам?! А кому? Пушкину?! Мне, что ли?! Чей ящик?!

ОН. Не мой, конечно. Я ключики подобрал и всё.

ОНА. Как - подобрал?!

ОН. Соседа сверху. Он, правда, военный. Прапорщик. В отставке. Старый, пузатый. Наших лет. А я случайно в “Вечёрке” прочёл, увидел, что наше почтовое отделение, шёл один раз в овощной, зашёл один раз, другой, третий - и вижу: письма, куча. Ну, ключик взял, открыл, попробовал и ... Я не все письма беру, вы не подумайте! Он и не заметит, сосед-то, ему и так много, выбор большой. А я в перерыв захожу, я беру только такие, как вам сказал и потом - назад их, на следующий день. Ну, дома над паром подержу, расклею, почитаю, заклею и назад потихоньку.

МОЛЧАНИЕ.

ОНА. Слушайте, во что вы меня вовлекли, а?! Это же грабёж со взломом. Это же страшнее, чем американский фильм с убийствами. Это ж хуже, чем во сне в вагончике быть к столбу привязанной и изнасилованной. Боевик на русской почве и русской почте. Как же это не ваш ящик?! Это же частная переписка, вы в неё нос суёте и меня заставили теперь сунуть, вы всё врёте, может, он совсем и не с пузом и совсем не наших лет, а даже если и с пузом, кому какое дело, лишь бы человек был хороший, и прапорщики люди бывают тоже, это же нарушение прав человеческой декларации ООН в Нью-Йорке, а вы так вот. А?! Что ж вы сами-то не пишете-то в газетку-то, ведь это же ж проще пареной репы, зачем же ж в чужой ящик нос сунуть. А?!

Пауза.

ОН. Стыдно.

ОНА. Что - стыдно?

ОН. Писать стыдно.

ОНА. А воровать - не стыдно?!

Пауза.

ОН. Да чего там, ладно. Ему и так мешками пишат, может он немножко отделить. У меня к тому же ящика нету тут, в подъезде только, а там - сами знаете. Я же не забираю, почитаю, поплачу и назад засовываю.

Пауза.

ОНА. Плачете?

ОН. Потому что несчастные мы все.

Пауза.

ОНА. *(Решительно.)* Какой-то бред. А ну, всовывайте всё назад, быстро, суйте, суйте, назад, чтоб не пахло тут ничем этим, назад, перерыв закончится, люди придут, назад, магнитный день!!!

ОН. Надо ваше письмо ещё найти. С зайчиком. С “Новым Годом” ...

ОНА. Оставьте моего зайчика в покое! Пусть там будет. Может, ему как раз понравится!

Пауза.

ОН. Кто?

ОНА. Кто, кто. Я! Вдруг он их всех именно меня выберет!!! *(Пауза.)*

ОН. Не выберет. Я этого прапора знаю.

ОНА. Слушайте, неужели же я такая страшная, никудышная, бросовая?! Неужели? Стыдно. Мужчина всё ж таки, имели бы уважение чуть-чуть, а то прямо ...

ОН. Да знаю я этого прапора, ему надо бабу за другим! У него жена недавно умерла, заездил, теперь ему надо работницу в сад, землю пахать, копать, а у вас - артрит! Вы же при встрече с ним не будете этого скрывать, нет ведь? Ну, как вы с лопатой, сами подумайте?

Пауза.

ОНА. Ну, а вдруг?

ОН. Что - вдруг?

ОНА. А вдруг ему совсем не в сад надо, а за другим?

ОН. Зачем?

ОНА. Не знаю, зачем вам мужчинам женщины надо.

Пауза.

ОН. Тогда надо выкинуть все письма, а ваше одно оставить, чтоб у него не было выбора.

ОНА. Как же их выкинуть, они так старались, писали, а мы - выкинем их.

ОН. Ну, не выкинем, а напишем им всем, что ... что получатель умер три дня назад и всё!

ОНА. Ну это же неправда. Нет, пусть и они останутся. Надо честно. Им тоже хочется, может. Вдруг кому-то повезёт. А мне, может, в другом месте повезёт.

ОН. Значит, вы часто на объявления пишете?

ОНА. *(Помолчала.)* А что? *(Роется в письмах.)* Бывает. Не то, чтобы часто, но бывает, если какое вдруг интересное. Пишу, а что? Я - в порядке. На пенсии недавно, да. Бухгалтером работала в сберкассе. Мне кровать подарили, когда отправляли на отдых, на заслуженный. Никому такую кровать никогда не дарили в бухгалтерии, как мне. Стоит, очень широкая. Полуторка. Большая. Вот.

ОН. А вы фотографию не вкладываете в другой раз.

ОНА. Хватит. Надоел. Сам крокодил. На себя в зеркало посмотри.

Пауза.

Извините. Это у меня опять из сценария. Магнитный день ... *(Пауза.)* Может, я не так себя подаю? Вот вы читали такие письма, поделитесь опытом, там что они пишут?

ОН. Рассказывают.

ОНА. Сказки Шахерезады?

ОН. Жизнь, в основном.

ОНА. Ну, а вы что?

ОН. Ничего. Читаю и плачу. Своровал чужую жизнь. Повесил себе на шею чужие заботы. Будет сниться теперь, мучать. Но это как водка - хочется ещё и ещё выпить, и ещё рюмаху, чтоб уж совсем было горько и сладко.

ОНА. Вот он второй раз, кажется, говорит, что он плачет, да? Или я ещё и глухая стала? Ой, мне к врачу надо. Плачете?

ОН. Плачу. Потому что несчастные мы все, как собаки, вот и плачу.

ОНА. Да с чего вы взяли? Совсем нет.

ОН. А вы вот?

ОНА. Я - в порядке. Живу, пенсия, кровать ...

Пауза.

ОН. А я вот по вечерам по улицам хожу, в окна первых этажей заглядываю - от тоски. У нас в районе хрущёвки низкие, всё на первых этажах видно. Встань напротив и смотри: жизнь, занавески, мать, отец, дети, телевизор, люди, кошки, собаки, птички, цветы, люстры, шкафчики, полотенчики, шифоньеры, коврики - какая-то жизнь у всех странная, разная, чужая и - моя. Смотрю и думаю: я бы не так мебель поставил бы тут, я бы не ту полочку прибил, я бы - это, я бы - то ... А вы в окна не заглядываете?

ОНА. Я по вечерам дома сижу. В окна. Мне некогда. *(Пауза.)* Что же они ещё пишут?

ОН. Вам зачем?

ОНА. Хочется.

ОН. Зачем?

ОНА. Узнать, как другие себя продают. Опять заплеть. Подают, в смысле.

ОН. Каждый как может продают. Вот откроем наугад, и я почитаю, а?

ОНА. Нет! Нет! *(Пауза.)* Стыдно.

ОН. Тогда я так могу - не открывая.

ОНА. То есть?

ОН. Ну - так. Так. Итак! Вот это! От которого пахнет "Крымской фиалкой"! Строчки - не важно, важно, что - под. А под: одна, конечно же, одна; муж умер, пил всю жизнь, она всю жизнь воевала с ним, детей тянула, работала проводницей, всю жизнь на колёсах; приедет домой - стирать, готовить, ругаться, подзатыльники детям за двойки, поплачет и снова - на колеса, рубли сшибать; безбилетника посадит, пятёрку заработает, бутылки, от пассажиров оставшиеся, пустые, на станции сдаст, и рада, конфеток привезёт, яблок и черешни из Ташкента, зимой когда; а он пил, да помер; поплакала она, похоронила, оглянулась - пенсия, дети сбежали, невзлюбили её за жадность, а она же для них всё, для них; уехали, поженились и никто её не любит, и не любил, и она их - тоже, вдруг оказалось - тоже не любит и не любила; все кинули, уехали, плюнули на неё. Сидит дома, работать не может, скучно, а жить и есть - охота, купит пакетов-кульков в магазине, на рынке подороже продаст и сиди дома: в магазин сходить с продавщицей полаяться, развеяться, да и всё - сиди дома, ящик разглядывай,

чёрно-белый ящик, черно-белая жизнь, кот чёрный минтай ест, занавеска на кухне выстроченная, мамой “выбитая” - знаете, что такое “выбитая” занавеска? это когда на швейной машине узоры на занавеске “выбивают”! - и вот на подбородке волосы стали расти к старости, смотрит в зеркало - карга, детей пугать только такой, скоро в гроб; вдруг постарела, бежала, бежала да остановилась, в зеркало посмотрела и страшно стало: Смерть вот она, а недавно ведь в белых носочках и туфельках бежала, молодая, песню пела: “В Москве в отдалённом районе, семнадцатый дом от угла! Хорошая девушка Тоня согласно прописке жила!..” И вот “Вечёрка” торчит из почтового ящика, а писем нету, никто не пишет... “У этого дома по тропке ходил я, не чувствуя ног! И парень был, в общем, неробкий, а вот объясниться не мог!” ... И всё сама смеялась над объявами этими, головой качала - как не стыдно людям! - а потом вдруг: напишу-ка я тоже ... А что? “Куба, любовь моя! Остров зари багровой! Песня встанет над планетой, звеня! Куба, любовь моя! ...” А вдруг будет как в телевизоре, ведь с алкашом и на колёсах по железной дороге - не было, а тут - вдруг, вдруг, вдруг?!!!

Пауза .

ОНА. *(Тихо.)* А эта?

ОН. А эта пишет: “Я хорошо готовлю, люблю стирать, люблю убирать квартиру, имею разнообразные интересы ...” Пишет и думает, а как писать “разнообразные” - через “о” или “а”, надо глянуть в другие объявления, там часто такое повторяют, а что это значит - не важно, но красиво и интеллигентно и достойно и не так стыдно, что не знает, что такое “разнообразные интересы”, потому что всю жизнь интересы были одни: накормить мужа, пожрать всем дать и лечь спокойно, уснуть, а завтра - тоже, с начала: накормить мужа, детей, себя, и спать; а теперь вот на старости лет пришла на кухню, спряталась от них от всех, а они в соседней комнате сидят, едят, пьют, а она пишет - решила обмануть и их, и себя, и Смерть, которая рядом сидит, в письмо заглядывает; обмануть всех, завести себе на стороне друга, любовника, наврать ему что-то, что - артистка в отставке, что - интересы, что много всего; и вдруг выйдет, вдруг получится, хоть попробовать, хоть заглянуть за занавес этот, подкладку занавески этой потрогать хотя бы, потому что скучно, тоскливо, одиноко с людьми этими в шлакоблочном застенке, всё позади, всё! .. “На побывку едет молодой моряк! Грудь его в медалях ...”

ОНА. *(Кричит.)* Грудь его в медалях, морда в синяках! Хватит! Хватит! Замолчите! Хватит!

Пауза.

ОН. Что ж вы плачете?

ОНА. Никто не плачет!

ОН. Я же вижу. Что?

ОНА. *(Молчит.)* “На побывку едет молодой моряк, грудь его в медалях, ленты в якорях ...” Все умерли, умерли, умерли, все были живы и умерли ... Осталась одна мечта, наваждение ...

ОН. Я знаю. И у меня.

ОНА. Знает он. Ну?

ОН. Одна мечта. Бредовое желание. Просьба к Богу. Чтоб как на старой фотографии пусть всё будет вокруг. Пусть всё вернётся назад, на фотографию, но только будет пусть не жёлтое, как бумага, а цветное, как прежде, как тогда - всё так же, всё хорошо, всё впереди, все живы ... *(Пауза.)* И все живы, и все живы, и мама молодая, и папа молодой, и колонны идут на демонстрацию, и знамена, и радость, и весна, и Первый Май, и сирень цветёт, и радость, и покой, и все живы, и все живы, и все живы, и все живы, и мы, пионеры, взявшись за руки, идём: “Встань пораньше, встань пораньше, встань пораньше! Только утро замаячит у ворот! Ты увидишь, ты услышишь, как весёлый барабанщик в руки палочки кленовые берёт! ...”

Пауза.

ОНА. *(Улыбнулась, вытерла слёзы.)* Вы хоть и шофёр, но в вас умер поэт, писатель. Знаете это, да? И вы простодырный, должна сказать. Первому встречному-поперечному - всё доложили. Эх, вы ... *(Пауза.)* Все умерли?

ОН. Все.

ОНА. Кто?

ОН. Мама, папа, жена, дочь была, уехала - всё равно что умерла, нету. А у вас?

ОНА. Мама, папа, мужа не было и детей не было. Папа - давно, не помню его. Мама полгода назад. Мы прожили всю жизнь с нею вместе. Подружек у меня нету. Была одна, ну и есть. Тоже из бухгалтерии. Она, как заваруха началась, уволилась, и с мужем со своим быстро перестроилась. Он - казах, а она - “комиэссэсэр”. Торгуют. У неё кошелёк - эрогенная зона, знаете таких, да? Оба, под зелёным знаменем ислама, торгуют в киоске до изнеможения, шлёндра, Маша преподобная, подруга моя. А когда-то она меня в партию блатовала, а теперь говорит: “Дети у меня выросли, шмоток мне теперь не надо, это раньше, говорит, мы с тобой в одну пробирку ходили, а теперь-то ты чего у меня в квартире пасёшься, я, говорит, не выношу тебя в больших количествах, у меня, говорит, всё пучком, ты мне - не надо, - мне, говорит, по уху твои дела...” Вся прибарахлённая: тут - фикса, тут - печатка, дочь у неё - дылда, сама - тумба, с мужем со своим шурум-бурум делают и живут, и у неё вот волосы на бороде и пьёт она стаканами спирт “Рояль”. А я что - всю жизнь: я и лошадь, я и бык, я и баба и мужик. Мне нужен мужчина обязательно, понимаете? Выхода нет, мне понадобился на старости лет мужчина! Мужик!

ОН. Понимаю. Мы откровенно разговариваем.

ОНА. Да, да, откровенно, хотя место не располагает, конечно.

ОН. Понимаю. Нужно ведь хоть перед смертью попробовать.

ОНА. *(Помолчала.)* Слушайте, голова два уха, что вы меня хороните? Что вы всё на свой шофёрский аршин всё мерите?! Что ж вы думаете, я никогда не пробовала? Пробовала. Среди бухгалтеров и мужчины были у нас на работе, что ж такого, после пьянки - пробовала. Какой стыд, слушайте, а? Мне нужен мужчина совсем за другим! Что вы молчите? Он опять курит и курит, одну выкидывает, другую в рот засовывает, ну, ну, что? Шёл - молчит и потерял - молчит, ну?

ОН. Я никогда в жизни так много не разговаривал, как сегодня.

ОНА. Правильно, я и говорю: семьдесят семь дырок на боку вертит. Это я хотела сказать.

ОН. Зачем он вам тогда нужен?

ОНА. Для мебели, зачем! Замолчите! Потому что я слабая! Мне надо уехать, переехать. Обменять эту проклятую квартиру, пусть на меньшую, пусть на первом этаже, но уехать, а я не могу сама, одна!

ОН. Менять?

ОНА. Менять. Уехать. Мы с мамой прожили двадцать пять лет в этой хрущёвке. Её построили только, мы въехали и жили. Когда въехали - был Новый Год, холод, маме дали квартиру эту от гороно, она была учительница, шлакоблочный дом, мы накрыли стол, сидели, и у нас руки замерзали от холода, отопители не помогали, потом мама заглянула за кусок обоев, который отвалился и промёрз, и там были в стене щели и было видно, как по улице едут машины, и мы с мамой долго, несколько лет всё ремонтировали, обустраивали, красили, белили эту хрущёвку, любили её, наш уголок, наш “вагончик” - как вы говорите. Двадцать пять лет. По-разному было: то ссорились, то мирились. И вот мамы не стало. Не стало. И я не могу теперь там жить. Потому что разговор наш продолжается, ему нет конца. Каждый день я говорю с ней, и каждый день я прошу у неё прощения, а за что - не знаю, я ничего не сделала ей плохого, но я всё время прошу простить меня, простить за то, что она так плохо прожила, так быстро, так низачем, понимаете?! *(Пауза.)* Она приходит днём и ночью и мы говорим, говорим, говорим и никак не можем понять, уяснить, разобраться за мелочами в главном - для чего мы с ней жили, зачем, почему так бессмысленно, где выход, для чего всё?! Она приходит и приходит, и мы говорим и говорим и я сойду с ума скоро, мы говорим и говорим, или я не

выдержу и что-то сделаю с собой, понимаете? А кроме того, в нашем доме на первом этаже с торца открылся недавно салон бытовых услуг "Ритуал". Там делают гробы, венки, там делают всё, что надо, когда покойник. Там обслуживают всех покойников города, понимаете?! Я каждое утро иду в хлебный и должна идти мимо этих чёрных машин, которые к утру съезжаются к дверям этого "Ритуала": ночью поумирают по городу все, а с утра их начинают хоронить, едут за гробами, понаедут и стоят, стоят, плачут, женщины в чёрных платках, с чёрными глазами, стоят, курят, вполголоса что-то говорят про страшное, и эти мужики озабоченные, венки, гробы, я не могу больше жить в этом доме, мне надо поменяться, уехать, спрятаться, сбежать, понимаете?!

Пауза.

ОН. Я тоже живу в этом доме.

ОНА. В каком?

ОН. Где "Ритуал".

ОНА. Ну, что ж я тогда вам всё рассказываю. Может, вам всё равно, может, вы среди гробов танцевать можете, но я - не могу, понимаете? Вы в каком подъезде?

ОН. В четвёртом.

ОНА. Я в четвёртом. У меня квартира сорок четыре.

ОН. У меня сорок восемь.

ОНА. Так вы надо мной живёте, что ли?

ОН. Ну да, кажется.

ОНА. Здрасьте. Приятно познакомиться. (Пауза.) Вы недавно, значит, переехали, обменялись?

ОН. Двадцать пять лет назад. Как дом построили, так отец, мать, я, моя жена, дочка и переехали. И мы там жили все вместе с начала. Сначала - впятером, потом вчетвером, потом втроём, потом вдвоём, потом - я один.

ОНА. Я вас никогда в жизни не видела. Не может быть. И кто там наверху живёт - не знаю и не знала. Лишь бы протечку не сделали. И не шумели.

ОН. И нам тоже главное было - чтоб не шумели и чтоб протечку не сделали.

ОНА. А полковник? Наврали? Есть?

ОН. Прапор? Живёт надо мной. Почему это? Тоже давно живёт.

ОНА. Никогда не видела. Скучно. Ни военного, ни шофёра с молокозавода никогда не встречала ни под окнами, ни на лестнице не сталкивалась. Скучно даже.

МОЛЧАНИЕ.

Засуньте письма ему назад и закройте ящик, что он расшиперился тут, ящик-то, открытый.

Пауза.

ОН. Может, сделать что-то?

ОНА. Что?

ОН. Ну, что-то такое. Аксию протеста какую-то. Газеты все достать, в кучу свалить и поджечь.

ОНА. Зачем? Тоже мне - Данко. Глупости. Засуньте всё назад. Фу, уханькалась я. Вот, кстати, и моё письмо. Зайчик. Какой зайчик к фигуре. Тут нарисована персидская сирень. Веточка. И никакого "С Новым Годом!" тут нету. И с чего я, дурко, взяла, что - зайчик.

Сунула письмо в карман плаща. Берёт письма, засовывает в ящик. Он помогает ей.

Мне, правда, надо к врачу. День магнитный. Устала как. Идите, вам в овощной, за морковкой надо. Перерыв кончился уже.

ОН. А вы?

ОНА. И я скоро. За вами.

ОН. Ну - до свидания тогда? Встретимся, ага? Мы же - друг над другом. Всю жизнь друг над другом спали, оказывается.

ОНА. Да, да, спали, оказывается. До свидания.

Пауза. Он повернулся, быстро вышел. Снова в дверь влетело несколько жёлтых листьев.

Она стоит одна, молчит. Достала своё письмо из кармана.

Так запурхалась, что даже и не спросила, как его зовут ... Эй, вы? Сосед?

Смотрит в окно, молчит.

Ну да, правильно, не важно. Как-то зовут. Ваней, Васей, Витей, Митей ... не важно.

Молчит.

И он не знает, как меня зовут. Акелла промахнулся. Как зовут: Машей, Наташей, Катей, Верой, Таней, Любой ...

Молчит.

Как-то зовут меня. Не помню, как зовут.

Молчит.

Надо сказать маме: всё возвратится. Всё будет. И мама молодая, и папа молодой, и я маленькая с косичками, и все живы, все живы, все живы ...

Вертит письмо в руках. Достала спички, подожгла письмо, кричит во всю глотку:

“- Что сделаю я для людей!? - сильнее грома крикнул Данко! И вдруг разорвал себе грудь и вырвал из неё своё сердце и высоко поднял его над головой! А потом упал и умер ... Люди не заметили его смерти и не видели, что ещё пылает рядом с трупом Данко его смелое сердце ... Только один осторожный человек заметил это, и, боясь чего-то, наступил на гордое сердце ногой. И вот оно, рассыпавшись в искры, угасло...”

Бросила догоревшее письмо на пол, наступила ногой на пепел.

Молчит.

Дурко, правда. Если бы знать. Если бы. День магнитный сегодня. Всё в голове дыбом.

Подошла к входной двери, распахнула её, а там - цветёт душистая, густая ПЕРСИДСКАЯ СИРЕНЬ.

На всём белом свете цветёт сирень.

ТЕМНОТА

ЗАНАВЕС

КОНЕЦ

январь 1995 года, Екатеринбург